

ПУШКИН ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ (Загадочная запись Пушкина 1826 г.)

*

Б. П. Городецки й
(Ленинград)

Речь идет об одной незаконченной строке Пушкина, которая вот уже 80 лет возбуждает неослабевающий интерес исследователей и до сих пор еще не может считаться разгаданной до конца.

Перед нами «масонская» тетрадь Пушкина в черном кожаном переплете, содержащая его черновые записи 1824 г. и нескольких последующих лет¹.

Лист 38-й этой тетради особенно интересен. По своему положению среди соседних записей он может быть предположительно датирован осенними месяцами 1826 г., т. е. временем после казни декабристов, и, возможно, временем работы Пушкина над запиской «О народном воспитании». Этот лист, сплошь заполненный рисунками и содержащий только одну строчку словесной записи, повторенную (неполно) дважды, представляет собою в высшей степени волнующее свидетельство пушкинских раздумий над судьбой повешенных декабристов и своей собственной судьбой, раздумий, не нашедших в тот момент своего разрешения, а также возникновения, в связи с этими раздумьями, художественного замысла (по-видимому, стихотворения), так же, как они, не получившего своего воплощения, и оборванного на первой же частично зачеркнутой строке:

И я бы мог как [шут на]

Далее идет рисунок, представляющий виселицу с пятью повешенными. За этим рисунком, вслед за несколькими набросками профильных портретов, снова строка:

И я бы мог

Вся страница далее сплошь заполнена множеством профильных портретов и набросков чертей, после чего вновь повторяется зарисовка виселицы с пятью повешенными.

Изучение этой страницы и загадочной записи на ней вызвало значительную научную литературу. Напомним кратко историю вопроса и основные этапы расшифровки пушкинской записи.

Впервые опубликовавший эту запись в 1884 г. В. Е. Якушкин² предложил следующее чтение ее:

И я бы мог как [тут на]

Воспроизведя в таком чтении эту строку и описав сопровождающий ее рисунок, Якушкин впервые связал то и другое с раздумьями Пушкина

¹ П. Д. (Пушкинский дом), ф. 244, оп. 1, № 836; прежний шифр: Л. Б. (Ленинская библиотека), № 2368.

² В. Е. Якушкин. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве. «Русская старина», 1884, июнь, стр. 550.

о трагической судьбе декабристов в связи с его собственной судьбой: «Обласканный царем, восторженно встреченный москвичами, он продолжал думать о погибших братьях, и не только о живых, но и о мертвых. . . мысленно присоединял себя к их судьбе»³.

Однако чтение Якушкина было явно ошибочным. Впервые воспроизведший фототипически лист 38-й в своем издании Полного собрания сочинений Пушкина⁴ С. А. Венгеров в заметке «По поводу рисунка Пушкина» говорил о совершенно явном написании:

И я бы мог как [шут на]

«Чтение *шут*, — писал С. А. Венгеров, — с первого разу, понятно, очень коробит. Получается впечатление, что Пушкин обозвал декабристов шутами. . . Отделавшись, однако, от первого впечатления . . . мы пришли к решению, что в этом чтении никакого пренебрежения к декабристам нет. . . Повешение недаром считается казнью позорною. Сложить голову на плахе — тут есть нечто героически-красивое, а повешенный именно болтается как шут»⁵.

Таково было самое первое толкование слова «шут» в исследуемой записи. В 1921 г. В. Ф. Боцяновский предложил иное толкование: «Поэт имел в виду показать, что среди героев-декабристов, он, вовлеченный в мятежный водоворот случайно, висел бы как шут, быть может, даже умаляя их подвиг своим соседством»⁶.

В том же году Н. О. Лернер подошел к осмыслению пушкинской записи, отправляясь от подчеркнутого самим Пушкиным факта совпадения даты восстания 14 декабря с датой завершения «Графа Нулина»⁷. Лернер писал: «13 декабря 1825 года, когда бойцы готовились к открытому выступлению, и 14 декабря, когда на улицах столицы лилась кровь, Пушкин перелагал в веселые стихи пикантный анекдот и забавлялся пародией. Они вышли умирать, а он шутил. И в приписке к рисункам, изображающим их виселицу, он строго осудил себя за шутство»⁸.

В 1931 г. Д. Д. Благой сделал попытку истолковать слово «шут» в пушкинской записи, исходя из характера употребления этого слова в произведениях и письмах Пушкина. Однако этот путь не привел исследователя к убедительным выводам⁹.

А. Эфрос в эти же годы подошел к осмыслению пушкинской записи на основе дошедшего до нас от ряда современников рассказа о несостоявшейся поездке Пушкина из Михайловского в Петербург в конце 1825 г. Рассказ сохранился в двух вариантах: по первому Пушкин собрался в Петербург в первых числах декабря, в связи с получением известия о смерти Александра I, по второму — после восстания, в связи с получением известия о самом восстании. А. М. Эфрос исходит в своих построениях из первого варианта.

Напомним некоторые обстоятельства происхождения этого рассказа. Очевидно, какие-то события, послужившие основой «пресмешного» письма¹⁰ Пушкина к брату о несостоявшейся поездке и о неблагоприят-

³ Там же.

⁴ А. С. Пушкин. Собрание сочинений в шести томах, т. II. Изд. Брокгауз—Ефрон. СПб., 1908, стр. 527.

⁵ Там же, стр. 529—530.

⁶ В. Ф. Боцяновский. Пушкин и декабристы. «Вестник литературы». Пг., 1921, № 2 (26), стр. 8—9.

⁷ Н. О. Лернер. Пушкин о казненных декабристах. «Книга и революция». Пг., 1921, т. II, № 1 (13), стр. 80—81. — Перепечатано в его же книге «Рассказы о Пушкине» (Л., «Прибой», 1929, стр. 206—208).

⁸ Н. О. Лернер. Рассказы о Пушкине, стр. 206—208.

⁹ См.: Д. Благой. Социология творчества Пушкина. Изд. 2, дополненное. М., 1931, стр. 286—287.

¹⁰ «Русский архив», 1866, стб. 1488.

ных приметах (поп, заяц), заставивших поэта повернуть с дороги обратно, действительно были. Об этом письме брата Лев Пушкин рассказывал ряду лиц. Возможно повторение рассказа о попе и зайце и самим поэтом в кругу близких московских приятелей в первые дни по приезде из Михайловского. Об этом говорят и С. А. Соболевский¹¹, и М. П. Погодин¹², и П. А. Вяземский¹³. Рассказ Пушкина в передаче друзей обрастал всевозможными подробностями и комментариями¹⁴, по мере того как прояснялись обстоятельства петербургских событий. Так, по-видимому, возникла версия о намерении Пушкина приехать прямо на квартиру Рылеева, и именно в ночь с 13 на 14 декабря, когда там происходило ночное совещание участников восстания. Такая деталь могла быть привнесена в рассказ только после самого восстания, когда стали известны подробности происшедших событий, в том числе и ночного совещания у Рылеева.

Мы принуждены были остановиться на этом потому, что предложенное А. Эфросом ошибочное объяснение исследуемой записи Пушкина¹⁵ построено на признании реальности неудавшейся поездки Пушкина именно перед самым восстанием декабристов, поездки, обусловленной якобы прямым вызовом поэта в Петербург не дошедшим до нас письмом И. И. Пущина, отправленным из Москвы в конце ноября — начале декабря.

О существовании этого письма¹⁶ стало известно из впервые опубликованного М. В. Нечкиной в 1930 г. отрывка из «Записок» декабриста Н. И. Лорера¹⁷. В результате этих соображений А. Эфрос резюмирует: «Письмо Пущина есть основание, остановка у Рылеева — следствие, а совместный выход на Сенатскую площадь — итог одного и того же дела»¹⁸.

Но Пушкин повернул с дороги обратно. Это расценивается Эфросом как бегство от принятых на себя обязательств.

Этими соображениями А. Эфрос и объясняет начальные слова исследуемой пушкинской записи: «И я бы мог. . .». Мог, но не сделал этого!

Существенно новые данные внес в исследование загадочной записи Пушкина М. А. Цявловский, отметив, что «комментаторами не было указано самое главное: во-первых, что запись представляет собою начало стиха, и, во-вторых, что выражение «висеть как шут» было общеупотребительным»¹⁹.

Обосновывая первое положение, М. А. Цявловский указывал: «за то, что запись — начало стиха, говорит двукратное повторение первых слов».

Говоря об общеупотребительности выражения «висеть как шут», М. А. Цявловский приводит цитату из поэмы В. И. Майкова «Елисей или Раздраженный Вах», где Зевс за неповиновение ему грозит богам:

---

¹¹ С. А. С о б о л е в с к и й, Таинственные приметы в жизни Пушкина. «Русский архив», 1870, стб. 1386—1387.

¹² М. П. П о г о д и н. Простая речь о мудреных вещах. М., 1873, стр. 178—179.

¹³ Письмо П. А. Вяземского к Я. К. Гроту, 1874 г. — В кн.: К. Я. Г р о т. Пушкинский лицей. СПб., 1911, стр. 107.

¹⁴ Ср. с рассказом И. П. Липранди о распространении Львом Пушкиным содержания письма поэта к нему о несостоявшейся поездке: «. . . кажется, это было сделано уже не мне одному, потому что я слышал об этом и от других, конечно, с комментариями» («Русский архив», 1866, стб. 1488).

¹⁵ Серьезная и обстоятельная критика данной концепции А. М. Эфроса содержится в статье: С. Г е с с е н. Пушкин накануне декабрьских событий 1825 года. — В сб.: «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. II. М., Изд-во АН СССР, 1936, стр. 361—384.

¹⁶ Получение этого письма Пушкиным М. А. Цявловский датирует 5—13 декабря 1825 г. («Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина», I, 1951, стр. 655).

¹⁷ М. В. Н е ч к и н а. О Пушкине, декабристах и их общих друзьях. «Жаторга и ссылка», 1930, кн. 4 (65), стр. 20—24; см. также: «Записки декабриста Н. И. Лорера». М., 1931.

¹⁸ А. Э ф р о с. Рисунки поэта. Изд. 2. 1933, стр. 350.

¹⁹ «Рукою Пушкина». Academia, 1935, стр. 159—160.

А если кто из них хоть мало укоснит,
Тот будет обращен воронкою в зенит,
А попросту сказать, повешу вверх ногами,
И будет он висеть, как шут, между богами.

(Песнь I, стр. 407—410).

Последняя работа, посвященная исследованию данной проблемы — статья Л. В. Крестовой «Пушкин и декабристы» — опубликована совсем недавно²⁰. Исследовательница подходит к осмыслению слова «шут» в пушкинской записи некоего «буффонско-маскарадного»²¹ момента, допущенного в процессе гражданской казни над декабристами, осужденными не на смертную казнь, а на каторгу: «костюмы наши были очень смешны, — приводит она свидетельство Н. В. Басаргина. — Разбирать халаты было некогда: иному на маленький рост попался самый длинный, и он едва мог переступить в нем, другому на большой — коротенький, толстому доставался узкий, так, что он едва напяливал его на себя»²².

Установив, что гражданская казнь декабристов «была превращена правительством Николая I в шутовское, буффонское зрелище», исследовательница ставит вопрос: «видели ли декабристы, приговоренные к гражданской казни, виселицу с повешенными?» — и из целого ряда противоречивых мемуарных свидетельств приводит слова М. А. Бестужева о том, что «этот буффонско-маскарадный кортеж <переодетых декабристов> проходил в виду пяти виселиц, где в судорогах смерти покачивались злополучные жертвы тирании»²³.

Если бы Пушкин был привлечен по делу декабристов, то он, по мнению Л. В. Крестовой, не разделил бы участь пятерых повешенных, а попал бы в число осужденных на гражданскую казнь. Исходя из этого предположения, Л. В. Крестова следующим образом объясняет и запись Пушкина, и его рисунок виселицы: «В таком случае, наряженный, как и его друзья-декабристы, в полосатый халат не по росту, и он бы „мог как шут“ стать участником „буффонско-маскарадного кортежа“, предметом издевательства и насмешки. Уходя же после чтения приговора и „экзекуции“, Пушкин увидел бы, как увидели некоторые из приговоренных, виселицу с пятью повешенными. Отсюда вслед за записью появилось изображение виселицы и злосчастных жертв»²⁴.

Подобное объяснение представляется искусственным и натянутым. Оно полностью снимает то ощущение подлинного трагизма, какое возникает от самого соседства записи «И я бы мог. . .» с рисунком виселицы.

Совершенно естественно, что не «буффонско-маскарадные» костюмы декабристов, подвергнутых гражданской казни, а жуткое очертание виселицы с пятью повешенными становилось для Пушкина символом судьбы «братьев, друзей, товарищей» и возможной собственной его судьбы, которую он мог разделить с ними. Очевидно, разгадку пушкинской записи следует искать в другой плоскости.

Удивительно, что за истекшие тридцать лет никто не обратил внимания на тот интерес, какой представляет в данном отношении приведенная М. А. Цявловским цитата из «Елисея» В. И. Майкова.

Сам М. А. Цявловский использует эту цитату лишь для доказательства «общеупотребительности» выражения «висеть как шут» — не более²⁵. Между тем, по-видимому, она имеет самое непосредственное отношение

²⁰ «Временник Пушкинской комиссии. 1962». М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 41—48.

²¹ Выражение М. А. Бестужева.

²² Н. В. Б а с а р г и н. Записки. Пг., изд-во «Огни», 1917, стр. 73—74.

²³ «Воспоминания Бестужевых». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 136.

²⁴ «Временник Пушкинской комиссии. 1962», стр. 48.

²⁵ См.: «Рукою Пушкина», стр. 160.

к существованию исследуемой проблемы. Для того, чтобы показать это, следует привести некоторые дополнительные данные.

При совершении казни над пятью повешенными, кроме войсковых подразделений и военной администрации, присутствовали и посторонние зрители, стоявшие поодаль²⁶. Совершенно естественно, что рассказы о подробностях казни распространялись с необыкновенной быстротой.

Одной из самых страшных подробностей, запечатлевшейся в памяти всех современников, было то, что трое из пяти повешенных сорвались в первую же минуту после повешения. Об этом говорят все очевидцы и все мемуаристы.

О силе впечатления, произведенного этим фактом на современников, можно было бы говорить долго и много. Приведем только два свидетельства. В «Полном собрании сочинений» К. Ф. Рыльева, изданном в бесцензурной печати в Лейпциге в 1861 г. приводится рассказ «со слов присутствовавшего по службе при казни»: «. . . Когда все было готово, с пожатием пружины в эшафоте, помост, на котором они стояли на скамейках, упал, и в то же мгновение трое сорвались: Рылеев, Пестель и Каховский упали вниз. У Рыльева колпак упал и видна была окровавленная бровь и кровь за правым ухом, вероятно от ушиба. Он сидел скорчившись, потому что провалился внутрь эшафота. . . Зрелище это на близко-присутствовавших имело сильное влияние: архитектор Герней умер через месяц от горячки, полициеймейстер Посников страдал от болезни более года и умер; он всегда говорил, что это было причиной его болезни. . .»²⁷.

Через неделю после казни П. А. Вяземский пишет жене из Ревеля: «Знаешь ли лютые подробности сей казни? Трое из них: Рылеев, Муравьев и Каховский еще заживо упали с виселицы в ров, переломали себе кости и их после этого возвели на вторую смерть²⁸. Народ говорил, что, видно, Бог не хочет их казни, что должно остановить их²⁹, но барабан заглушил вопль человечества и новая казнь совершилась»³⁰.

Обо всем этом Пушкин немедленно же узнал по приезду в Москву. Немного позднее, в Михайловском, в период работы над запиской «О народном воспитании», мысль его вновь вернулась к жутким подробностям о трех повешенных, сорвавшихся с виселиц. Его богатая на литературные ассоциации память подсказала стихотворный отрывок о повешении, в котором говорилось и о возможности сорваться с виселицы. Это были строки из поэмы В. Майкова «Елисей или Раздраженный Вахх».

М. А. Цявловский оборвал цитату на запятой, не закончив предложения. А между тем последняя строка его и явилась своеобразным сигналом, по которому Пушкин вспомнил слова о повешенном, который будет висеть, как шут, между богами. Приведем эти строки целиком. Напомним, что Зевс грозит богам наказанием за неповиновение:

А если кто из них хоть мало укоснит,
Тот будет обращен воронкою в зенит,
А попросту сказать, повешу вверх ногами,
И будет он висеть, как шут, между богами,
*Не сорвется вовек*³¹, кто б ни был как удал. . .

²⁶ Об этом свидетельствует начальник Кронверка и петербургский генерал-губернатор Голенищев-Кутузов в своем донесении царю (см.: М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 409).

²⁷ Полное собрание сочинений К. Ф. Рыльева. Лейпциг. F. A. Brockhaus, 1861, стр. 85—86; см. также: Н. В. Басаргин. Записки, стр. 78; М. В. Нечкина. Движение декабристов, ч. II, стр. 409 и др.

²⁸ Н. В. Басаргин пишет: «их подняли, исправили веревки и снова не взвели, а уже внесли на эшафот» («Записки», стр. 78).

²⁹ Он же пишет: «Говорили, что протоиерей Мысловский хотел воспротивиться второй казни двух упавших, но что Чернышев настоял на этом» («Записки», стр. 79).

³⁰ «Остафьевский архив князей Вяземских», т. V, вып. 2. СПб., 1913, стр. 54.

³¹ Выделено мною — Б. Г.

Пушкин прекрасно знал поэму Майкова с лицейских лет ³² и свободно цитировал ее наизусть ³³.

Отталкиваясь от длинной строки Майкова, Пушкин начал строку четырехстопного ямба («И я бы мог. . .»), невольно повторив майковскую формулировку («как шут. . .») и немедленно же зачеркнув последние слова:

И я бы мог [как шут на]

В этом воспроизведении Майковской формулы была своя, и значительная, закономерность: ведь тот, кто мог быть повешен, висел бы *между богами*.

---

³² В вариантах первой строфы VII главы «Евгения Онегина»:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Елисея,
А Цицерона проклинал

(Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VI.
Изд-во АН СССР, 1937, стр. 619).

³³ См., например, письмо А. А. Бестужеву от 13 июня 1823 г. (Пушкин. Полное собрание сочинений, т. XIII. Изд-во АН СССР, 1937, стр. 64).

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

*Сборник статей
к семидесятилетию
академика В. В. ВИНОГРАДОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1965